

хранили въ себѣ много чистаго, устоявшаго противъ всѣхъ искушений. Въ характерѣ обоихъ племенъ вы не можете не подмѣтить много мягкаго элемента. Особенно замѣтна черта эта въ бѣлоруссѣ. Литвинъ успѣлъ сохранить въ себѣ иѣсколько болѣе нравственнаго упорства, нелишеннаго иѣкотораго рода энергіи. Одинъ изъ народныхъ поэтовъ, Владиславъ Сырокомля, говоря о характерѣ литвина, выражался, что онъ:

Cichy jak skata i twardy jak skata. Но сдавали можно вполнѣ и безусловно согласиться съ такимъ поэтическимъ отзывомъ.

Вслушайтесь въ народныя пѣсни бѣлорусскаго люда. Въ нихъ по странному случаю, не сохранилось и слѣдовъ боевыхъ преданій. Исключительнымъ мотивомъ для нихъ служить застѣничная любовь, тихія семейныя радости. Пѣсни эти поразятъ васъ своею монотонностю и однообразіемъ. Видно, что прежнія историческія судьбы дали скучный матеріалъ народу.

Съ другимъ отголоскомъ пѣсня жмудина. Она полна воинственнаго пыла и какого-то особенно враждебнаго чувства ко всему чужому. Пѣсня жмудина всего чаще боевая пѣсня. У него до сихъ поръ сохранилось много сдержанной энергіи и слѣдовъ упрямаго скрытнаго характера. Незнакомому проѣзжему не удастся разшевелить его своими распросами: *ажэ не супрунту* (не понимаю!) будетъ единственнымъ и угрюмымъ отвѣтомъ съ его стороны, на вопросъ, сдѣланый ему на польскомъ, ему понятномъ языкѣ. Причины кроются въ прошлыхъ историческихъ судьбахъ.

Въ давнее время Жмудь очень часто оставлялась только самой себѣ. Только собственными силами отстаивала она свою народность и вѣру своихъ отцовъ отъ благочестивыхъ притязаній *Крэсцаковъ* (мечносцевъ). Осѣвши на плодородной почве, среди опасностей и материальнаго довольства, жмудинъ успѣлъ выработать въ своемъ характерѣ много стойкости и воспитать въ себѣ чувство крѣпкой привязанности къ своему.

Бѣлоруссъ и жмудинъ, это двѣ крайности. Литвинъ по языку почти сливаются со жмудиномъ, но по характеру и нравственнымъ свойствамъ стоять ближе къ бѣлоруссу. На первыхъ

порахъ своей исторической жизни столкнулся онъ съ мягкимъ бѣлорусскимъ элементомъ. Кнажыня однаковымъ бытовымъ условіямъ, они гасили и легко спарывались между собою. Во многихъ краяхъ даже въ усѣти уже исчезъ языкъ своихъ предковъ.

На Жмуди такъ встрѣчить отрадный видъ довольства. Въ литовскихъ и бѣлорусскихъ деревняхъ быть крестьянъ произведеть на весь лизъ, очень тѣжко выстачайсѧ. Вездѣ грязные и дамыя каты. На лицахъ ихъ обигателей прочтете многое запущенаго, тунца. Разъ указали мнѣ на старика, которому считали с лишкомъ сто лѣтъ; онъ еще могъ работать въ полѣ. И никакъ не дадутъ бы ему на видъ и шестидесяти. У него даже волосы на головѣ не подвижны. Ось былъ, правда, очень высокаго роста, но казался слишкомъ тщедушнымъ. Решительно не было и сльда, чтобы столькая жизнь била у него следствіемъ здороваго и молодо-моложаваго организма. Онъ устоялъ подъ жизненной ношней потому же, почему въ баснѣ устояла тростинка противъ бури, сломившей дубъ. Подобный тщедушный типъ, сколько мы могли замѣтить, почти господствующій между литовскими и бѣлорусскими крестьянами. Видъ этого старика пробудилъ въ насъ много грустнаго чувства: въ то время, когда мы увидѣли его, онъ благодарилъ за что-то своего погибшаго и униженно, покорно цѣловалъ его колѣно.

Да! всматривалась ближе въ быть здѣшнихъ крестьянъ вы вынесете много грустнаго, тяжелаго чувства. Унылая пѣсня отзыается тоской; въ народной плясѣ вѣтъ и намека на живой и бойкій разгуль; на дорогѣ съ запущеннымъ видомъ бѣдной *хлопъ* торопливо спѣшить при видѣ вашаго экшажа свернуть съ стороны; изъ сургубъ, свою малородную и хулулю юнаденку, робко привѣтствуяще пѣснью обицканье: «*ніяло бендае и хвалено Іезус-Христус*», или торопливо вѣтъ въ колѣно съ словами: «*надалъ до когд заселъ исконное наше.*» (*)

Экономическое положеніе гранѣально не въ завидномъ состояніи, какъ бы уже можете догадаться. По офиціальнымъ

свѣденіямъ обороты фабрикъ и заводовъ, напр. въ Виленской губерніи, даютъ самую незначительную цифру. Винокуреніе, составлявшее прежде значительную статью въ каждомъ имѣнѣ, упало вслѣдъ за введеніемъ откуповъ; послѣдующее явленіе, распространеніе трезвости, подорвало его въ самомъ корне. Скотоводство (кромѣ овцеводства), садоводство и пчеловодство на самой низкой степени. Единственнымъ и существеннымъ источникомъ дохода сельского населенія—земледѣліе въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. хлѣбопашество, и отчасти выдѣлка лѣсныхъ издѣлій. Нельзя сказать, чтобы такая исключительность условливалась особыми, благопріятными для нихъ обстоятельствами. Почва въ Гродненской, и Виленской губерніяхъ далеко не можетъ быть названа плодородною; въ Минской напротивъ она даже едва вознаграждаетъ трудъ крестьянина. Плодородная, въ полномъ значеніи этого слова, полоса лежитъ въ части Ковенской губерніи, составляющей собственно Жмудь.

Очень понятно, что лучшіе, передовые люди между землевладѣльцами уже настоятельно искали выхода изъ неблагопріятныхъ условій положенія сельского хозяйства. На ихъ глазахъ шло сельское хозяйство въ сосѣднихъ Остзейскихъ губерніяхъ, Царствѣ польскомъ, Пруссіи, Австріи, хозяйство, основанное на началахъ свободного труда. Они очень хорошо знали и организацію этихъ хозяйствъ, знали и характеръ переворотовъ, подготовившихъ и вызвавшихъ эту организацію. Такъ, или иначе малоприбыльность хозяйства, духъ времени, все вызывало настоятельную необходимость коснуться глубже причинъ неудовлетворительности окружающихъ условій.

Вопросъ о положеніи сельского населенія въ западныхъ провинціяхъ выяснился официально въ 1840 году.

Причинъ неудовлетворительности положенія сельского хозяйства въ этомъ краѣ выставлено было много. Къ сожалѣнію всѣ онѣ принадлежали къ побочнымъ, только усложнившимъ вопросъ. Правда—онѣ всѣ имѣли значительную долю вреднаго вліянія, но не онѣ были исходной точкой общественнаго зла. Указывали на аренду населенныхъ имѣній помѣщичихъ и казенныхъ, на лич-

ный характеръ и нравственные свойства сельскихъ обывателей, на евреевъ, наконецъ на широкое развитіе барщинной системы. Любопытно прослѣдить въ бѣгломъ обзорѣ нѣкоторыхъ изъ мѣръ, вызванныхъ этими причинами.

Система аренднаго пользованія населенными имѣніями принадлежитъ къ числу характеристическихъ особенностей Западнаго края, съ которой почти совершенно незнакомы провинціи внутренней Россіи. При историческомъ ходѣ общественного развитія, здѣсь накопилось много благопріятныхъ условій для образованія въ рукахъ немногихъмагнатовъ огромныхъ поземельныхъ владѣній съ одной стороны, съ другой цѣлаго многочисленнаго класса мелкопомѣстной и беспомѣстной шляхты. Укажемъ на маіораты кн. Радзивилловъ, на имѣнія кн. Огинскаго, гр. Тышкевичей, гр. Тызенгауза и др. Шляхта только временно призывалась къ общественной службѣ; кончился походъ, сеймъ, шляхтичъ снова возвращался на свое поле и брался за свой трудъ. Многочисленный классъ шляхты не зналъ другаго труда, кроме земледѣльческаго. Волей-неволей онъ обращался къ земледѣлію, какъ единственному средству къ жизни. При огромности поземельныхъ владѣніймагнатовъ трудна была возможность непосредственнаго пользованія своими имѣніями. Явилась аренда, которой покровительствовали вотчинники, находя въ ней легчайшій и выгоднѣйшій способъ извлекать доходъ изъ своихъ помѣстій. И вотъ арендная владѣнія, обширныя и малыя, густой сѣтью покрыли всѣ земельныя участки Западнаго края. Намъ часто удавалось встрѣчать арендуемыя владѣнія, состоящія изъ земель, на которыхъ были поселены одна, двѣ хаты крестьянъ. (Хата равняется двумъ великорусскимъ тягламъ). Для земледѣльца отдача въ аренду представлялась, повторяю, болѣе выгодною, чѣмъ извлеченіе дохода посредствомъ надзора управляющихъ. Арендная плата обыкновенно равнялась средней цифрѣ дохода, приносимаго имѣніемъ, съ уступкою очень немногихъ процентовъ. Имѣніе сдавалось арендатору по особому акту, въ основаніе которого принимался инвентарь, т. е. подробная опись состава и средствъ имѣнія. Въ послѣднемъ отдѣлѣ подробно обозначались всѣ тяжести и повинности экономистъ

ности, лежащія на крестьянахъ. Выѣстѣ съ тѣмъ, ео *ipso*, въ этомъ актѣ подробно опредѣлялись и права самыхъ арендаторовъ.

Къ сожалѣнію, повѣрка законности требованій и дѣйствій арендатора сопряжена была со многими неудобствами. Крестьянинъ не былъ въ отношеніи къ арендатору лицомъ вполнѣ самостоятельнымъ. Его жалоба, если и доходила до владѣльца, то часто принимала оборотъ не вполнѣ благопріятный для обиженнаго: владѣлецъ дорожилъ выгоднымъ арендаторомъ. Самъ арендаторъ необходимымъ образомъ добивался всѣми возможными средствами большаго дохода съ имѣнія. Объ машинахъ, улучшенныхъ земледѣльческихъ орудіяхъ, за недостаткомъ капиталовъ, конечно же могло быть и рѣчи; затѣмъ оставалось доводить рабочія силы до послѣдней степени напряженія. Барщинная система, запутанная и сложная, охватившая всѣ стороны дѣятельности крестьянина, дала къ тому полную возможность для арендатора. Имѣнія бѣдили, но арендная плата не понижалась; напротивъ, конкуренція между арендаторами усиливалась все болѣе и болѣе.

Мы уже упомянули обѣ одной изъ важнейшихъ причинъ, условившихъ собою существованіе арендной системы. Это—стремленіе многочисленнаго класса шляхты къ занятію сельскимъ хозяйствомъ, между тѣмъ, какъ очень немногіе изъ этого класса имѣли возможность обратиться въ землевладѣльцевъ, а шляхта рѣннительно, по историческимъ понятіямъ о чести, по общественнымъ предразсудкамъ, не могла обратить своего труда на какое-нибудь ремесло. Исключительность извѣстной отрасли труда также формулировалась въ пословицу:

Pszczotka, kaczka i pszenica
Wyprowadzaj z nѣdzy szlachcica.

(т. е. пчелка, кѣяка и пшеница спасаютъ шляхтича отъ нужды.)

Другая причина, можетъ быть, имѣющая еще болѣе важное значеніе, это—невозможность введенія въ имѣнія оброчнной системы. При неразвитости экономического такта и оборотливости, отсутствіе всякой промышленной предпріимчивости поселянъ на Литвѣ и Бѣлоруссіи—и затѣмъ невозможность для крестьянъ за-

мѣнить лежащія на нихъ повинности вполнѣ оброкомъ, дѣлали барщину, т. е. извлеченіе дохода изъ имѣнія чрезъ непосредственное пользованіе личнымъ трудомъ крестьянъ—необходимою. Барщина требовала личнаго и непрерывнаго надзора со стороны владельца въ лицѣ его, или его управляющаго. Отсюда былъ уже одинъ шагъ къ арендѣ, развившейся до размѣровъ широкой и правильно организованной системы.

Фактъ невыгоднаго вліянія арендной системы на благосостояніе помѣщицкихъ и казенныхъ имѣній (казенные имѣнія также отдавались преимущественно въ арендное владѣніе) не могъ оставаться долго незамѣченнымъ. Правительство приняло мѣры къ отвлечению шляхты отъ занятій исключительно сельско-хозяйственныхъ. Военная и гражданская служба были сдѣланы для нихъ обязательными; назначены были сроки для существованія арендной системы. Населенные казенные имѣнія уже не были болѣе отдаваемы въ аренду. Но, во всякомъ случаѣ, безъ крутыхъ реформъ отнять почти единственный источникъ существованія у цѣлаго многочисленнаго сословія и притомъ вдругъ, не приготовивъ выгоднаго исхода, было рѣшительно невозможно. Мало того: всѣ подобныя мѣры могли быть парализованы при практическому примѣненіи. Аренду населенныхъ имѣній (которую мы здѣсь именно имѣли въ виду) очень легко было замаскировать цѣлымъ рядомъ другихъ юридическихъ сдѣлокъ, сущность которыхъ оставалась одна и тоже.

Въ такомъ нерѣшительномъ, шаткомъ положеніи застигло арендную систему проведеніе новой реформы. —

Указывали на евреевъ. Это даровитое племя, по самому характеру, исключительно промышленное, было скучено здѣсь на тѣсномъ пространствѣ. Еврей, среди шляхты, для которой торговля была безчестнымъ дѣломъ, ремесло тоже, среди поселянъ, изъ которыхъ рѣдкій зналъ свою околицу далѣе своего приходскаго костела, конечно, какъ нельзѧ лучше, успѣль воспользоваться своимъ положеніемъ. Онъ сталъ неизбѣжнымъ и дѣятельнымъ посредникомъ между производителемъ и потребителемъ. Впрочемъ, не смотря на название обѣтованной земли, данной евреями

Польшѣ и Западному краю, едва-ли они много выиграли въ послѣднемъ. Большинство изъ нихъ находится въ крайней нищетѣ, помимо всей своей удивительной воздержности и неустомимой дѣятельности. Между евреями соперничество развито до крайнихъ предѣловъ. Каждый еврей ех *professo* мелкій промышленникъ, для которого вопросъ не въ большихъ барышахъ, но только въ быстрымъ оборотѣ своего ничтожнаго капитала. Здѣсь условіе его дневнаго пропитанія. По необходимости вся его забота ограничивается однимъ днемъ, рѣдко шабашемъ. Оттого онъ не дрожитъ репутацией и бьетъ на минутную удачу.

А между тѣмъ дѣятельность евреевъ ограничена у насъ извѣстнымъ тѣснѣмъ пространствомъ. Немудрено, что евреи сдѣлались тяжелымъ зломъ для цѣлаго края. Потребное число дѣтелей для извѣстной экономической задачи, т. е. для перемѣщенія цѣнностей, было далеко переполнено. Но чѣмъ было дѣлать имъ? Семьсотъ тысяча душъ въ здѣшнемъ краѣ требуютъ хлѣба, хлѣба, а они способны заработать его только на рынкѣ, за плугомъ...

Вы знаете рядъ тѣхъ мѣръ, которыя были приняты относительно евреевъ. Имъ запрещено было жить по деревнямъ, и въ особенности сидѣть по корчмамъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ (напр. въ Ковно и Вильно) запрещено было жить евреямъ на нѣкоторыхъ изъ главныхъ улицъ. Ихъ удалили отъ пограничной черты на тридцати-верстное пространство, чтобы отнять у нихъ возможность заниматься контрабандой. Открыли цѣлыій рядъ поощрительныхъ мѣръ, чтобы обратить евреевъ къ земледѣльческимъ занятіямъ. Наконецъ, въ 1851 г., имѣла мѣсто рѣшительная и крутая мѣра: приступлено было къ раздѣленію евреевъ на пять разрядовъ. Мѣра эта имѣла въ виду — побудить евреевъ къ осѣдлости и полезному, производительному труду, и вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожить среди ихъ тунеядцевъ. Именно послѣдній пятый разрядъ, подъ названіемъ *мѣщанъ неосѣдлыхъ*, какъ непроизводительный, долженъ быть подвергнутся разнымъ ограниченіямъ въ правахъ и между прочимъ усиленной рекрутской повинности.

Крайне любопытно, какъ всѣ эти мѣры, благодаря упругому характеру племени, чѣмъ болѣе были круты, рѣшительны, тѣмъ болѣе парализировались и становились на практикѣ совершенно безуспѣшными. Евреи, какъ и прежде, торговали по деревнямъ и въ корчмахъ; контрабанда все-таки имѣла въ нихъ неустомимыхъ, смѣлыхъ и изворотливыхъ посредниковъ, и ослабѣла только съ понижениемъ тарифа. Въ послѣднее время нашли возможнымъ снова дозволить евреямъ селиться близъ границы, и только оставленные по судебнѣмъ приговорамъ въ подозрѣніи въ занятіи контрабандой, удаляются на извѣстное разстояніе отъ границы черты. Носить пейсы и брить головы евреи и еврейки перестаютъ, благодаря вліянію моды, проникающей въ ихъ кружки вслѣдъ за лучшимъ материальномъ довольствомъ. — Въ пятомъ разрядѣ очутились записанными только калѣки и старики, для которыхъ были не страшны ни усиленная рекрутская повинность, ни обращеніе на общественные работы. Евреи во время переписи успѣли выдумать и выхлонотать бездну небывалыхъ речесленныхъ цеховъ, успѣли приписаться или къ этихъ цехамъ, или къ землямъ зажиточныхъ собратій. Купецъ Анатовъ въ Вильнѣ, говорятъ, такимъ образомъ, извлекалъ значительные доходы съ каждого вершка своихъ земельныхъ владѣній. Самый же образъ промышленности въ сущности нисколько не измѣнился отъ такой приписи. Всѣ заботы объ обращеніи евреевъ къ земледѣлію остались безуспѣшными: онъ проговорѣчили основнымъ чертамъ характера племени. Сліяніе съ мѣстными жителями рѣшительно не сдѣлало ни одного шага впередъ, не смотря на длинный рядъ столѣтій, прожитыхъ вмѣстѣ. Скученіе евреевъ въ одиѣхъ западныхъ провинціяхъ сильно задерживаетъ движеніе этого вопроса.

Коснувшись только чисто правовой стороны вопроса, мы смѣмъ думать, что, если еврей составляется зло, если между Западными провинціями и остальной Россіей не существуетъ политическихъ отѣнковъ, то черта, за которую неволенъ перенагнуть евреи, должна быть стерта, и зло должно быть поднято на свои плечи цѣлой Россіей. Впрочемъ мы не видимъ впереди и

зла. Еврей изъ Царства польского едва-ли пойдетъ въ Россію. Но излишekъ евреевъ Западнаго края, его переполнившій, пе-реяется къ намъ въ наши внутреннія губерніи. Здѣсь онъ встрѣ-тъ не запуганного литовскаго и бѣлорусскаго крестьянинна, но даровитаго, бойкаго великорусскаго промышленника. Между тѣмъ наши города и села приобрѣтутъ дѣятельныхъ и оборотливыхъ торговцевъ и отчасти ремесленниковъ, въ которыхъ у насъ чув-ствуется очень ощущительный недостатокъ.

Личный характеръ, или лучше сказать, безхарактерность здѣш-наго крестьянина обыкновенно относятъ къ числу причинъ, спо-собствовавшихъ упадку его быта. Но возникаетъ вопросъ, могъ ли выработатья какой-либо характеръ подъ влияниемъ всѣхъ не благопріятныхъ условій, стирающихъ всякое самостоятельное про-явленіе дѣятельности въ здѣшнемъ крестьянинѣ: подъ опекой характеръ не вырабатывается. Посмотрите, сколько издавна бы-ло опекуновъ у него. Помѣщикъ, вооруженный своей запутан-ной барщинной системой; арендаторъ, смотрящий на крестьянина, какъ на рабочую силу; еврей, который выжимаѣтъ изъ того-же крестьянина послѣдній сокъ, и притомъ большую частіюполь-зуется покровительствомъ самого помѣщика или арендатора. У здѣшняго крестьянина не было даже этой опоры, которая со-хранилась у великорусскихъ поселянъ — общинного устройства. Въ чисто бѣлорусскихъ деревняхъ община когда-то была. Въ ак-тахъ Минской губерніи, позднѣхъ г. Семеновыми, говорится о *купѣ*, имѣющей право суда. Въ настоящее время нѣть и слѣ-довъ прежней общины. У літвина, кажется, можно сказать утверждительно, что общинного устройства не существовало. Из-лишне, я думаю, и говорить, что настоящее устройство казенныхъ деревень, не могло поднять общины. Приведемъ здѣсь фактъ изъ судебной практики. Нашимъ законодательствомъ постано-влено о новведеніи каждого прикоснувшаго по дѣлу дѣлать повальный обыскъ. Обыскъ этотъ принадлежитъ у насъ къ чи-слу самыхъ древнихъ доказательствъ. Въ великорусскихъ деревняхъ обыкновенная лица, не было примѣра, чтобы отзвались невѣдѣніемъ о новведеніи члена своей общины. Тою или другою общею фра-

зою онъ опредѣлить нравственное достоинство послѣдняго. Въ деревняхъ Западнаго края очень часто на повальномъ обыску го-ворятъ, что о поведеніи такого-то, живущаго впрочемъ въ ихъ околотѣ, ничего не знаютъ; ибо съ нимъ знакомства и дру-гихъ связей *не имплютъ*.

Важнѣе всѣхъ выставляемыхъ причинъ, разъѣдающихъ бытъ крестьянъ западнаго края — барщинная система. Противъ нея исключительно было направлено положеніе объ инвентаряхъ.

Барщинная система разрослась здѣсь широко, и глубоко пу-стила свои корни. Оброчной системы въ ся чистомъ видѣ почти не существуетъ въ Литвѣ и Бѣлоруссії. Ее можно найти только на Жмуди и то не во всѣхъ имѣніяхъ. Помѣщичья власть въ Литвѣ и Бѣлоруссії стояла издавна слишкомъ близко къ кресть-янину. Помѣщикъ или арендаторъ жили почти безвыходно при своихъ *юсподаркахъ* (садьбахъ). При условіяхъ доходности имѣнія, заключающейся только въ земледѣліи, при отсутствіи всякаго другаго занятія для земледѣльца, барщинная система со-ставляла сподручный и болѣе доходный способъ взиманія дохо-довъ. Притомъ, при отсутствіи промышленныхъ оборотовъ, деньги у крестьянъ были рѣдкостью. Все это, понятно, способствовало широкому развитию барщины. Трудно перечислить всѣ виды, изъ которыхъ слагалась она предъ введеніемъ инвентарной системы.

Главный видъ — это *паницина*, т. е. барщина въ собствен-номъ смыслѣ; потомъ: *гвалты*, *подкурки*, *толоки*, *шарварки*, *ночная карта*, *добринки*, *даровицна* или *таковицна*, *про-возъ сельскихъ произведеній на рынокъ*, *взносы* или *данни* ко живностию, *яйцами*, *трибами*, *людами*, *льномъ* и пр. — и ко всему этому *чиниш* или *денежный оброкъ*, правда очень незна-чительный.

Въ сущности при мягкомъ характерѣ помѣщичьей власти здѣсь барщинная система и не была, можетъ быть, болѣе обременя-тельной, чѣмъ во внутренніхъ губерніяхъ Россіи; во она ощуща-тывала здѣсь весь бытъ крестьянинна, все стороны его дѣятель-ности. Крестьянинъ не имѣлъ возможности располагать хотя сколь-ко

ко-нибудь своимъ временемъ. Въ самую горячую для хлѣбопашца пору онъ цѣльмъ домомъ, цѣлой семьей гнался то на *валтѣ*, то на *дожинки*. Нынче онъ не знаетъ, пойдетъ-ли завтра работать на свое поле, или на барскую запашку. Мудрено-ли потерять при такихъ условіяхъ всякую энергию, необходимую въ каждой дѣятельности? Мудрено-ли, что дѣло дошло наконецъ до того, что помѣщикъ долженъ быть принять на себя не только заботы обѣ уборкѣ своей запашки, но и обѣ участіи собственно крестьянина.

Въ жизнь крестьянца вводился только одинъ узкій и скучный вопросъ о кускѣ насущнаго хлѣба для себя и семьи. Характеръ крестьянина по неволѣ долженъ быть разслабнутъ въ конецъ, и этотъ крестьянинъ является теперь передъ нами, послѣ столькихъ вѣковъ жизни при однихъ и тѣхъ-же экономическихъ условіяхъ, въ такомъ, какъ и прежде, жалкомъ видѣ. Прежде, при простотѣ быта всѣхъ классовъ—разница между скучностью крестьянина и довольствомъ прочихъ сословій еще не была очень зачѣтина; нынѣ контрастъ этотъ невыносимо рѣзокъ.

Инвентарное положеніе имѣло въ виду ослабить вредное влияніе барщинной системы. Оно имѣло цѣлью опредѣлить точнѣе, упорядочнить отношенія между крестьяниномъ и помѣщикомъ, и вывести эти отношенія на строго-опредѣленную закономъ дорогу. Но инвентарь былъ все-таки только полумѣрой,—не болѣе. Ослабивъ прежній характеръ отношеній между землевладѣльцемъ и крестьяниномъ, онъ придалъ этимъ отношеніямъ тѣль юридического договора. Помѣщикъ имѣлъ гражданское, строгое право, своего рода римское *jus strictum*, требовать отъ крестьянина покинностей на столько, на сколько, *предполагалось*, онъ предоставлялъ крестьянину выгодъ. Могъ-ли крестьянинъ или неѣть вынести эту тижесть, — помѣщику уже не было до этого дѣла. Прежнія нравственные смягчающія условія исчезли. Помѣщикъ опирался уже на право, освященное закономъ. Инвентарь между тѣмъ въ очень незначительной мѣрѣ упростили прежнюю барщинную систему. И крестьяне, видѣвшіе въ помѣщикахъ только неуемимаго контрагента, и помѣщики, власть которыхъ стѣснена

была известными условіями канцеляризма, однимъ словомъ обѣ стороны были недовольны этой полу-мѣрой. Крестьянинъ все-таки оставался на дѣлѣ лицомъ неполноправнымъ, и не могъ свободно отстаивать себя отъ различнаго рода несправедливыхъ требованій со стороны помѣщика. Повидимому, на бумагѣ все во взаимныхъ отношеніяхъ между землевладѣльцемъ и крѣпостнымъ крестьяниномъ было опредѣлено точно. Но помѣщикъ, пользуясь необходиностью для каждого крестьянина однѣ новинности замѣнять другими, пользуясь различнаго рода недоимками, недоработками, вытекающими иногда просто изъ обыкновенныхъ жизненныхъ условій, могъ въ каждую данную минуту задавить его своими *законными* требованіями...

Такимъ образомъ новая мѣра рѣшительно была неспособна поднять сельское народонаселеніе изъ прежняго низкаго уровня. Между тѣмъ инвентари требовали постоянныхъ исправленій, возбуждали споры, вводили въ отношенія между помѣщиками и крестьянами непріятное для обѣихъ сторонъ участіе чиновниковъ. Признано было необходимымъ приступить къ общему пересмотрю всей инвентарной системы. Пользуясь этимъ случаемъ, дворянство трехъ литовскихъ губерній, составляющихъ виленское генерал-губернаторство, чрезъ г. начальника края В. И. Назимова, выразило желаніе приступить къ устройству своихъ крестьянъ на новыхъ, совершенно иныхъ основаніяхъ. Дальнѣйшій ходъ дѣла извѣстенъ. Тогда-то именно, впервые, рѣшились указать на кореннную причину общественного бѣдствія, имѣвшую пагубное дѣйствіе на экономическойѣ быть цѣлаго края; указали на крѣпостное право, обойдя всѣ другія производныя, второстепенные причины, на которыхъ любили указывать прежде и помѣщики, и власти.

Вопросъ былъ такъ поставленъ, касался такихъ чувствительныхъ сторонъ быта цѣлаго края, что долженъ быть возбудить самое живое и напряженное участіе. Но странному случаю вопросъ, безспорно сильно взволновавшій все общество, слабо отразился въ литературѣ. Графъ Урускій издалъ два тома «*Sprawa wloscianska*» (крестьянскій вопросъ), гдѣ изложилъ мнѣнія

Хар-къ
К. Милевского

по этому вопросу, высказанныя когда-либо въ польской литературѣ; *Крыжтопоръ* напечаталъ замѣчательный *Rozanki Karlsbadski*, въ которыхъ высказалъ мысль о необходимости надѣла крестьянъ землею, въ собственность. Но ближе всѣхъ разсмотрѣлъ вопросъ, въ отношеніи именно Литвы, г. Оскаръ Корвин-Милевскій въ своей брошюре: *Uwagi nad kwesti  wloscianska, na Litwie*, изданной въ Парижѣ въ концѣ 1858 года.

Вопросъ объ началахъ, на которыхъ должно быть основано новое устройство быта крестьянъ не только здѣсь, но и во всей Россіи, уже пережилъ самую трудную свою фазу, — мѣстнаго обсужденія. И общество и литература высказали по-этому вопросу все, что могли высказать. Поэтому въ настоящее время каждый съ большимъ спокойствіемъ можетъ взглянуть на литературныя проявленія личныхъ убѣждений заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ. Точно также спокойно мы можемъ приступить къ изложенію идей и направленія брошюры г. Милевскаго, вызванные на это только тѣмъ, что Милевскій выразилъ здѣсь убѣжденія извѣстной партіи, замѣтимъ впрочемъ, далеко не составляющей большинства между здѣшними помѣщикаами. Повторяемъ: для насъ въ данную минуту, проектъ г. Милевскаго, уже не представляетъ практическаго интереса, но имѣть только интересъ историческій, какъ совершившейся фактъ, не болѣе.

Проектъ г. Милевскаго задолго до напечатанія былъ здѣсь распространенъ въ обществѣ во множествѣ списковъ. Онъ читался въ собраніяхъ дворянъ. Говорятъ, въ Гродненской губерніи, онъ возбудилъ въ нѣкоторыхъ сочувствіе, къ счастію, недолго продолжавшееся. Онъ былъ представленъ въ переводѣ и къ генерал-губернатору и къ министру внутреннихъ дѣлъ. Видно, что авторъ упорно вѣрилъ въ непогрѣшимость и, главное, въ практическую примѣнимость своихъ убѣждений. Что касается до насъ, то онъ произвелъ на насъ тяжелое, грустное впечатлѣніе. За громкими фразами о законахъ Политической экономіи, объ англійскомъ хозяйствѣ, о личномъ знакомствѣ съ Фоше, Воловскимъ, Урускими проглядываетъ много холоднаго эгоизма, мнo-

го безучастія къ общему ливовскому поселенію. Мы считаемъ излишнимъ подробно касаться идеи автора брошюры; мы съ удовольствиемъ убѣдились, что ихъ здѣсь раздѣляли, особенно въ послѣдствіи, очень не многіе. Иначе здѣсь не рѣшились бы указать съ благородной откровенностью на болѣющую рану, и вызываться залечить ее собственными пожертвованіями.

Г. авторъ, очерчивая рѣзкими чертами бѣдственное положеніе крестьянъ на Литвѣ, утверждаетъ, что виною тому вовсе не крѣпостное право, какъ думаютъ многіе: отчего же, говорить онъ, иначе бѣдны здѣсь евреи, вольные люди, казенные крестьяне. Онъ не дѣластъ ни одного упрека крѣпостному праву, «противъ котораго—по его словамъ,—вооружаются только тѣ, которые не пользуются правами владѣнія населенными имѣніями (?)». «Уверяю,—говорить г. Милевскій,—что настояще поколѣніе помѣщиковъ на Литвѣ несравненно лучше выполняетъ свои обязанности, чѣмъ поколѣнія предшествовавшія. Если въ послѣдніе годы и встрѣчались случаи отягощенія, то виноваты въ томъ уѣздные предводители дворянства. (гл. 2).» Какія же причины находить г. Милевскій? Вычисленіе этихъ причинъ очень оригинально: 1) климатъ; 2) почва; у насъ—де крестьянинъ можетъ работать въ полѣ только пять мѣсяцовъ, остальное время бездѣлъствуетъ (?); почва не родитъ хлѣба безъ питательного удобрѣнія; въ 3) нѣтъ удобныхъ путей сообщенія, и 4) слабо развита промышленность. До сихъ поръ все причины общія почти всей Россіи. Далѣе: 5) казенные крестьяне, не имѣвъ обязанности быть трудолюбивыми (!!), стали лѣнивы и постыдно и безъ пользы тратить капиталы, заключающіеся въ землѣ, отданной имъ за очень низкую цѣну (II гл.); наконецъ въ 6) разселеніе крестьянъ по деревнямъ, антиземледѣльческое, какъ выражается авторъ, и введеніе общины коммунистической казенныхъ имѣніяхъ. Въ славянской, или какъ называетъ ее, г. Милевскій, восточно-русской общинѣ авторъ видѣтъ что-то особенно странное, особенно ионаціональное, основанное на началахъ вредныхъ, коммунистическихъ. Отъ нея гибнетъ казенный крестьянинъ. «Если у насъ все убѣждены въ томъ, что

самый жестокий начальникъ офицеръ, высокий изъ солдатъ, самый дурной чиновникъ бюрократъ изъ канцеляристовъ, самый жестокий помѣщикъ разжигающій экономъ, то должно согласиться, что самый дурной староста изъ крестьянъ. *Далѣе:* «въ Литвѣ издавна существуетъ своя община, соціальная, ибо во всякомъ благоустроеніомъ имѣніи, крестьяне сообща помогаютъ другъ другу въ постройкѣ избъ, въ почникѣ дорогъ, устраиваютъ хлѣбные магазины, сберегательныя кассы, больницы. Слѣдственно у нихъ существуетъ община!» Всѣдѣ за тѣмъ г. Милевскій доказываетъ современность и важность соціальной общины.

Что касается вопроса: полезна ли, и на сколько полезна славянская община, это вопросъ спорный до сихъ поръ. Мы его и не касаемся. Но просимъ обратить вниманіе на пріемы, на характеръ доводовъ г. Милевскаго: они такъ крайне оригинальны.

Съ своей стороны мы смыслимъ увѣрить г. автора брошюры, и ссылаемся при этомъ на всѣхъ знатоковъ положенія края, на мѣстѣ, а не въ Парижѣ, изучавшихъ свою родину, что соціальной общинѣ, какъ учрежденія, вытекающаго изъ духа народа, нѣтъ въ здѣшнихъ деревняхъ. Нравы, крестьяне помогаютъ другъ другу въ постройкѣ избъ, въ исправленіи дорогъ, но тутъ еще вѣтъ покамѣстъ ничего соціально-общинного. Если два, три соѣдна домовладѣльца въ городѣ сообща пишутъ очистить снѣгъ съ проходящей мимо ихъ домовъ мостовой, тутъ еще нѣтъ слѣдовъ соціальной общинѣ. Сберегательныя кассы, училища, больницы устраиваются въ имѣніяхъ кн. Огинскаго, гр. Тызенгауза, кн. Пузинъ, и въ другихъ мѣстахъ, можетъ быть изъ сборовъ съ тѣхъ-же крестьянъ; но инициатива этихъ учрежденій въ сознательныхъ стремленіяхъ не крестьянъ, а ихъ образованнѣхъ вотчинниковъ. (*) Наконецъ сравни-

(*) Мы можемъ привести примеръ, напечатанный въ одноточіи изъ Гродненской губ. губ. вѣд. прошлаго года. Въ одноточіи изъ большихъ имѣній Задесенской губ. графа Яна Тышкевича зараса истребила скотъ; въ другомъ своемъ имѣніи Ковенской губ. графъ предложилъ крестьянамъ взять съ его скотиной дворъ жеребятъ и телятъ и выкорчить, а потомъ черезъ годъ го-

лѣ старости, лица, выбранного крестьянами изъ своей среды и притомъ на известный срокъ съ офицеромъ изъ солдатъ, и тому подоб. отличаетъ крайнюю нелогичность. Относительно введенія восточно-русской общины въ казенныхъ имѣніяхъ, замѣтимъ, что здесь она не входитъ въ жизнь крестьянина, а имѣетъ только официальное значеніе, скользя только очень легко, по поверхности крестьянского быта.

Крестьянинъ долженъ получить свободу, съ этимъ вполнѣ согласенъ г. Милевскій. Но какія мѣры предлагается онъ для уточненія благосостоянія этого крестьянина? Единственно-производительный видъ земельной собственности на Литвѣ, по словамъ г. Милевскаго, это крупные ея участки. Всѣ доказательства въ противномъ, высказанныя гр. Урускими въ засѣданіи политico-экономического общества въ Парижѣ, не убѣдили г. автора. «Я ихъ слышалъ изъ устъ самаго графа еще недавно, и не смѣя отрицать ихъ достоинства (?!), могу увѣрить читателей, что они меня не убѣдили. Притомъ и г. Боловскій, дарование котораго оцѣнилъ я, слушая въ продолженіи двухъ лѣтъ его лекціи, въ сочиненіяхъ своихъ не защищаетъ мелкой собственности. (гл. IV.). Въ Литвѣ издавна замѣчается стремление земельной собственности къ образованію изъ себя крупныхъ участковъ. Будучи задержано на время неблагопріятными условіями, оно съ новой силой проявляется въ настоящее время. Правительство съ своей стороны, должно способствовать образованію крупныхъ участковъ земельной собственности и отнять всякую возможность къ ея раздробленію». Для крестьянъ авторъ думаетъ учредить патриціатъ, въ составъ котораго войдутъ лица, болѣе чѣмъ дворяне, болѣе чѣмъ владѣльцы и крупныхъ участковъ, болѣе чѣмъ богатые, болѣе чѣмъ образованные, должны войти люди, соединяющіе въ себѣ все эти условія». Такой патриціатъ, по проекту автора, долженъ обладать обширнѣмъ одновѣтчицествомъ. Чрезъ годъ на дворъ Тышкевича крестьяне привели 1600 головъ рабочаго скота, съ тѣмъ, чтобы отослать путь въ Вильенскую имѣніе; но вмѣсто съ тѣмъ, расчитавъ издержки доставки, предложили оставить выкорченный скотъ у нихъ, а за него внести деньги для отсыпки въ Вильенскую варчину. Такъ и сдѣлали. Разѣдѣлѣть соціальную общину?

Заседаніе политico-экономического общества въ Париже. гр. Урускій

ту г. Милевского, будетъ производить оцѣнку земель и решать всѣ споры между землевладѣльцами и земледѣльцами. Крестьянинъ, получивъ *de jure* свободу, *de facto* воспользуется ею только тогда, когда заявятъ извѣстный капиталъ, какъ ручательство въ своей экономической благонадежности. До тѣхъ поръ онъ *долженъ быть обязаんъ*, сидѣть на землѣ своего помѣщика и платить за нее барщинной работой. Получивъ свободу, крестьянинъ можетъ нанимать землю, по съ *условіемъ* обрабатывать ее въ том-же самомъ количествѣ, въ какомъ обрабатывалъ онъ эту землю прежде. Иначе онъ, пожалуй, ограничится обработкой одного только огорода-наго участка, а отсюда можетъ возникнуть *добровольный пролетариатъ* (?). Это не будетъ новый родъ неволи, ибо на Западѣ заставляютъ же работать нищихъ (!?). «Въ наше время Западъ затрепеталъ и пошатнулся предъ воплемъ пролетариата: права на трудъ!» «Если Россія захочетъ сохранить свои будущія поколѣнія отъ возможности этого вопля, пусть во время *предпишетъ* закономъ *обязательность труда* и съумѣеть законъ этотъ привести въ исполненіе». «Настоящая система разселенія крестьянъ должна быть уничтожена; должны быть заведены всѣдѣ фермы, съ отмежеванными къ нимъ участками; крестьянинъ-арендаторъ, который будетъ нанимать эти фермы, находясь въ частыхъ сношеніяхъ съ зажиточнымъ и образованнымъ владѣльцемъ, займетъ отъ него и необходимыя свѣденія и хороший, примѣръ и здравое пониманіе вещей». (Замѣтите этотъ нѣсколько новый способъ распространенія просвѣщенія). Вотъ основныя идеи брошюры.

Къ сожалѣнію авторъ упустилъ изъ виду, на сколько про-свѣтился нынѣшній крестьянинъ, находясь столько столѣтій съ образованнымъ помѣщикомъ въ еще болѣе тѣсныхъ отношеніяхъ, чѣмъ напримѣръ арендный? Паконецъ предвидится ли возможность для крестьянина Западнаго края выразить свою способность къ вполнѣправию капиталомъ, даже самымъ ничтожнымъ? Въ духѣ-ли славянина, привязанного къ своей почвѣ, къ своему родному полю, арендный наемъ? Намъ кажется, что г. Милевскій сдава-ли не принадлежитъ къ защитникамъ крѣпостнаго права, но только изъ приличія хочетъ перелить его

въ другія, менѣе, не скажемъ жесткія, но менѣе неблаговидныя формы.

Грустно еще и теперь читать брошюру г. Милевского, голосъ которого раздался въ минуту самого живаго движенія вопроса. Не смотря на фразы о гуманности, о благѣ общества, слова его дышать аристократической спѣсью и холоднымъ, бездушнымъ презрѣніемъ къ своимъ низшимъ братьямъ. Выводы его грѣшатъ не только противъ человѣческаго чувства, имъ оскорбляемаго: они грѣшатъ и противъ современной науки, на выводы которой постоянно любить опираться авторъ.

Напримѣръ, защищая крупные участки поземельной собственности, г. Милевскій боится за будущее, если правительство будетъ благопріятствовать раздробленію этой собственности. «Настаниетъ,—по его словамъ, время,—когда земельная собственность потеряетъ всякий интересъ. Объ атомахъ почвы уже не будутъ спорить, ибо атомы земли непроизводительны.» Такіе крайніе выводы обличаютъ странное знакомство съ наукой, далекой отъ всякаго фатализма.

Но довольно. Мы вовсе не брались подробно разбирать брошюры г. Милевского. Мы только остановились на ней, какъ на фактѣ, совершившемся въ самую оживленную фазу вопроса, знаменательномъ тѣмъ болѣе, что г. Корван-Милевскій принадлежитъ по своему положенію къ числу значительнейшихъ и богатѣйшихъ землевладѣльцевъ Литвы, и, притомъ какъ могли замѣтить, изучаетъ Политическую экономію. Его проектъ, упорно проводимый имъ официально, потомъ напечатанный имъ въ Парижѣ, и разосланный ко всѣмъ влиятельнымъ помѣщикамъ Западнаго края, служилъ отголоскомъ мнѣнія консерватистовъ, прикрывающихся либеральными фразами. Такихъ оказалось немного. Большинство скоро разочаровалось проектомъ. Лучшія, благороднейшія страницы современной исторіи цивилизациій займетъ благородное сословіе трехъ литовскихъ губерній — и это мѣсто оно заслужило своими чистыми стремленіями на благо ближняго, меньшаго собрата. Да не оскорбится г. Милевскій нашимъ отзывомъ. Пишущій эти строки далекъ отъ побужденій, навязы-

ваемыхъ помѣщичьему классу г. Милевскому. Закончимъ отзывъ о брошиюре г. Милевского восторженныемъ его воззваніемъ—къ со- отчичамъ: «О, если справедливо, что нѣтъ ничего нового подъ солнцемъ, что младшіе, по цивилизациі, государства, по неиз- бѣжному порядку вещей, должны слѣдоватъ иримѣру своихъ стар- шихъ братьевъ, то обратимъ свои взоры на страну, которая превзошла всѣ другія государства въ земледѣліи, богатствѣ, прак- тичности; оставимъ подражаніе *той другой* странѣ, не смотря на то, что языкъ ея знакомъ каждому изъ насъ, обычай ея нра- вится, недостатки ея общі намѣ!» Вы догадаетесь, что авторъ благоволитъ къ Англіи и не благоволитъ къ Франціи, и все изъ того, что въ первой любятъ крупные участки поземельной соб- ственности, а во второй любятъ совершенно противную систему. Впрочемъ, можетъ быть, краснорѣчивое воззваніе будетъ имѣть и свою долю пользы. Мы противъ этого совершенно не споримъ.

Пробѣгая въ сжатомъ очеркѣ нѣкоторая изъ условій сельского быта западныхъ провинцій, мы не можемъ не остановиться на одномъ вопросѣ, возникающемъ на практикѣ, вопросѣ очень ин- тересномъ. Это о положеніи *вольныхъ людей*, которые поселены здѣсь въ довольно значительномъ числѣ на помѣщичьихъ земляхъ.

Разсматривая составъ населенія помѣщичьихъ имѣнъ особенно значительныхъ, мы видимъ, что населеніе это не сплошь крѣ- постное, какъ большую частію во внутреннихъ губерніяхъ. Здѣсь много шляхты, арендующей крестьянскіе участки; цѣлые мѣстечки, принадлежащія помѣщикамъ, населены евреями, платящими за хату и при ней огородъ, равно и общіе выгоны, *терропіумъ*; наконецъ — *вольные люди*, почти на одинаковыхъ правахъ съ крѣпостными, выполняющіе тѣ же повинности, какъ и послѣдніе.

Вольные люди, иначе *захожіе, похожіе* назывались такъ по- тому, что могли свободно мѣнять мѣсто жительства. Они осѣдали на земль помѣщика, который давалъ имъ хату, и *запомогу*, т. е. все необходимое для веденія крестьянскаго хозяйства. Они садились на земль *по волѣ* (*), на извѣстный срокъ, или безъ

(*) Статутъ літов., раздѣлъ VIII. а. 8.

срока, но въ послѣднемъ случаѣ расчетъ производился чрезъ де- сять лѣтъ. За пользованіе землею вольные люди платили день- гами или работою. Вслѣдствіе долгаго пребыванія на одномъ мѣ- стѣ подъ однимъ и тѣмъ-же владѣльцемъ, невозможности поки-нуть его безъ средствъ возвратить *запомогу* и вмѣстѣ съ тѣмъ уплатить всѣ накопившіяся недоимки, вслѣдствіе образовавшаго- ся затѣмъ безразличія въ отправленіи повинностей между воль- ными и помѣщичими людьми — и тѣ и другіе впослѣдствіи начали сливаться (*). Мало по малу вольные люди заносились въ *сказки* помѣщиковъ на ряду съ крѣпостными и теряли сознаніе своей вольности. Правительство наконецъ обратило на этотъ вопросъ свое вниманіе. Журналами Комитета министровъ 2 и 23 ноября 1837 г., Высочайше утвержденными, о разборѣ вольныхъ людей, постановлено было объявить помѣщикамъ западныхъ губерній, чтобы они, Виленской въ теченіи шести мѣсяцевъ, дру- гихъ губерній въ теченіи двѣнадцати мѣсяцевъ представили въ Виленскую казенную палату списки вольныхъ людей неправильно приписанныхъ въ крѣпостные при ихъ имѣніяхъ, или доказатель- ства на тѣхъ, на которыхъ имѣютъ крѣпостное право. Кто пред- ставить отзывы о неправильной припискѣ въ крѣпость вольныхъ людей, тотъ не будетъ подвергаемъ за послѣднее отвѣтственно- сти; если же званіе вольныхъ людей будетъ открыто вслѣдствіе правительственного разбора, въ такомъ случаѣ владѣльцы долж- ны внести за открытыхъ вольныхъ людей добавочныя подати по семирублевому окладу — за все время, прожитое вольными людь- ми въ крѣпости. Дѣла о вольныхъ людяхъ, на крѣпостное со- стояніе которыхъ представлять въ этотъ срокъ помѣщики, дол- жны были поступить на разсмотрѣніе судебныхъ мѣстъ. Затѣмъ вся тяжесть открытія вольныхъ людей въ обширныхъ имѣніяхъ Западнаго края легла на временное отдѣленіе Виленской казен- ной палаты.

Завѣдываніе этимъ отдѣленіемъ было поручено совѣтнику Ви- ленской казенной палаты Мошкову, который первый подаль Министру финансовъ проѣктъ обѣ отысканій изъ помѣщичьяго вла-

(*) Obraz Litwy Jaroszewicza, cz. III. XIII.
Экономистъ

А это характеризует, что эк состоящие большими
людьми не помнить лучше крепостных.

— 162 —

дѣнія вольныхъ людей. Временное отдѣлениe было открыто сначала только на два года, но Виленскому генерал-губернатору предоставлено было право продолжить этотъ срокъ.

Численность вольныхъ людей, записанныхъ въ крѣпостную собственность, была огромна. Проводимой нынѣ реформы тогда еще далеко не было въ виду помѣщиковъ. Понятно, какое волненіе между последними произвѣлъ проекти г. Мошкова. Трудности, представляемыя исполненіемъ проекта, были велики; средства, данныхы г. Мошкову, какъ видимъ изъ личнаго состава временнаго отдѣления, были познанчительны. Эти трудности увеличились еще болѣе интригами противъ проектировщика, поднявшимися съ всѣхъ сторонъ. Г. Мошковъ, по личному характеру, не могъ сохранить нужнаго спокойствія въ виду этихъ интригъ. Съ крайнимъ любопытствомъ мы читали всю офиціальную переписку, веденную г. Мошковымъ съ окружающими его властями.

Такъ или иначе г. Мошкову не привелось сдѣлать многаго. Дѣла обѣ отысканий свободы изъ крѣпостного состоянія вольными людьми затянулись.

Въ такомъ видѣ, спорномъ, неразрѣшенномъ, застаетъ вопросъ проводимая нынѣ реформа, и даетъ новый оборотъ дѣлу.

Вольные люди отстаивали свою свободу, помѣщники доказывали нынѣ крѣпостное состояніе. Каждый разъ недовольная противнѣмъ решеніемъ сторона вносila дѣло по аппеляціи въ вышнюю судебнную инстанцію. Признанные крѣпостными, вольные люди воловались и являлись ослушниками распоряженіемъ помѣщика. Въ виду новой реформы все измѣнилось. Мы знаемъ одно имѣніе, (Ковенской губ.), где жило около 1500 душъ крестьянъ, доказавшихъ, что они вольные люди. Назадъ тому не сколько лѣтъ, средняя инстанція признала ихъ вольными. Мужики были крайне довольны, хотя имъ и приходилось оставить землю, на которой они жили не сколько лѣтъ. Помѣщикъ перенесъ дѣло въ сенатъ. Сенатъ рѣшилъ дѣло въ пользу крестьянъ; по обстоятельства измѣнились: теперь крестьяне крайне недовольны рѣшеніемъ—говорятъ, что они издавна крѣпостные, что они не хотятъ и не имѣютъ права быть вольными; а помѣщикъ остался

— 163 —

очень доволенъ тѣмъ, чѣмъ былъ недоволенъ очень недавно. Рѣшеніе очень просто. И крестьянинъ, и помѣщикъ имѣютъ въ виду надѣль крѣпостныхъ людей землею.

Покамѣстъ мы заключаемъ обзоръ условій сельского быта въ Западномъ краѣ. Сознаемся, мы не коснулись весьма многихъ сторонъ его, на которыхъ необходимо было остановиться. Мы не коснулись характера отношеній землѣнаго и преимущественно жмудскаго, собственно, католического духовенства на народъ. А влияніе этого духовенства на массу народа громадно. Жмудское духовенство большую частію вышло изъ рядовъ простаго народа и потому стоитъ къ нему очень близко, говорить его языккомъ, знакомо съ его обычаями и нравами. Распространеніе обществъ трезвости, начавшееся здѣсь, на Жмуди, обязано своимъ успѣхомъ непосредственно этому духовенству.

Мы наконецъ не коснулись характера устройства многихъ вотчинъ, основанаго на началахъ, при которыхъ реформа совершиенно будетъ нечувствителна для обѣихъ сторонъ. Такія хощутъ наприм. въ обширной вотчинѣ Ретова—князя Огинскаго, здѣсь наприм. въ имѣніяхъ графа Райнольда Тызенгауза и нѣкоторыхъ другихъ.

Устройство Ретовской вотчины чрезвычайно интересно. Крестьяне отличаются зажиточностью въ полномъ смыслѣ этого слова. Каждая хата составляетъ ферму съ участкомъ земли, на правахъ вотчинныхъ. За этотъ участокъ платятъ крестьяне познанчительный оброкъ. Барской запашки нѣть. Самъ владѣлецъ, князь Огинскій, имѣетъ у себя точно такую же по величинѣ ферму, какъ и каждый изъ его крестьянъ, которая обрабатывается наймитами. Крестьянинъ и всякий живущій на землѣ помѣщика подчиняется извѣстнымъ постановленіямъ вотчинной колторы, за нарушеніе которыхъ или штрафъ, или въ замѣнь первого по желанію виновнаго, тѣлесное наказаніе; по послѣднія мѣра очень рѣдко имѣется мѣсто. Этамъ штрафамъ подчиняется и самъ помѣщикъ въ отношеніи своей фермы. Изъ штрафовъ уже составляется значительный капиталъ, процентами котораго будутъ покрываться впособствіи всѣ казенные подати крестьянъ. Въ имѣніи князя Огинскаго заведены образцовая, по своему устройству, школы, больницы; недавно открыто реальное училище или земледѣльческая школа, где преподаваніе идетъ на жмудскомъ языке; оно назначено между прочимъ для желающихъ дворянъ. Но Огинскій особенно приглашаетъ дѣтей мѣстныхъ дворянъ. Не знаемъ, какіе результаты имѣло это приглашеніе, но только школа эта организована на очень широкихъ основаніяхъ.

B. B.